

Посвящение кумиру

Хоть Цюю я писем никогда не писала,
Но на концерте живом смогла побывать.
И весточки столько я долгих лет ждала,
Что эмоций своих не могу я сдержать!

Легенде теперь посвящаю стихи я,
Вложив в них любовь и всю душу свою,
И это мой Мир, и моя впредь стихия,
И под музыку ветра я оду пою!

Кумир мой из детства и мой вдохновитель,
Плакаты, кассеты, и фото с газет,
И драм всех моих, он настоящий целитель,
В своих песнях всегда даст он дельный совет.

Цой — неоромантик, с такой чистой душой,
Что зовет лишь вперед, к звездным мирам,
Он тот Атаман и Последний Герой,
Который всегда будет нужен всем нам!

19.02.2023
Лолита Цой

*...За что я Вас люблю? За все, за то, какой Вы есть.
Мне кажется, что часть Вашего характера заключена в песнях
«Кино». А песни у «Кино» лучшие.*

(Из письма Натальи В. г. Балаково)

От автора

В 1946 году в своей знаменитой «Повести о настоящем человеке» писатель Борис Полевой устами своего героя, полкового комиссара Семена Воробьева, высказал интересное наблюдение: «...письма доходят до адресата как свет далеких звезд. Корреспондент может погаснуть, а письма его будут еще долго ползти и ползти, рассказывая адресату о жизни давно умершего человека».

Замечательные слова, которые очень подходят к той теме, которой посвящена эта книга.

С давних времен люди ощущали потребность обмениваться друг с другом не только информацией, но и чувствами, мыслями, взглядами, уникальными переживаниями. Эпистолярный жанр от столетия к столетию развивался, благодаря чему расширялся круг общения, ведь с помощью писем можно вести диалог с теми, кого никогда не узнаешь лично.

С появлением телефона голосовой контакт потеснил письменный, но, как это ни парадоксально, в разговоре многого не скажешь.

Только письмо дает возможность высказаться максимально развернуто, сформулировать мысль, отредактировать текст. И значимость письменного высказывания всегда выше устного.

В разговоре «слово не воробей», мало ли что вылетит под влиянием момента, а вот написанное пером потому и обретает статус документа, что его «не вырубешь топором» — когда человек пишет, у него всегда есть время подумать. И только написанный текст может показать не только адресату, но и пишущему, что он на самом деле думает и чувствует...

Эпоха массовой культуры породила новый тип переписки — письма кумирам от бесконечно далеких поклонников таланта. Как правило, звезды эстрады и кино такие письма не читают и не хранят, но иногда встречаются исключения.

В период с 1987 по 1990 год таковым стал Виктор Цой — один из главных кумиров советской молодежи, лидер ленинградской рок-группы «КИНО», стремительно взлетевший на звездный небосклон кочегар небольшой питерской котельной.

В своих книгах и статьях я не раз упоминал о том, что сохранилось немало писем, адресованных как лично Цою, так и группе «КИНО». Письма приходили на адреса близких Виктора, рок-клуба, Георгия Гурьянова, Юрия Каспаряна, иногда записки передавались Цою непосредственно на концертах.

Часто послания находили адресата с большой задержкой, поскольку Цой не жил по месту прописки, да и письма часто отправляли «на деревню дедушке»: на конверте порой значилось: «Ленинград, группа „КИНО“, Виктору Цою» или «Ленинградский рок-клуб. Виктору Цою лично в руки». Бывало, просто писали: «Товарищи-почтальоны, простите, мы просто адреса не знаем!!», или краткое как лозунг — «Передайте Цою!».

Бунтарский дух Виктора, его подчеркнутый отказ от стандартов социального лицемерия, свежие, дышащие свободой тексты, модная по звучанию музыка и нежелание подчиняться чуждым правилам не только в творчестве, но и в жизни — делали лидера «КИНО» чуть ли не главным романтиком перестроечного времени.

Способствовал популярности и тот факт, что Цой никогда не изменял себе, ловко балансировал на грани закона, ни в чем его не

Привет, Цой!

нарушая, но при этом отказываясь от компромисса. Он был в шаге от статьи за тунеядство, однако устроился на работу в кочегарку, заплатив непрестижным ремеслом и тяжелой физической работой за внутреннюю свободу. Все это не могло не привлечь внимание подрастающего поколения. И природа этого внимания, его причины и следствия отчетливо видны именно в эпистолярной части цоевского архива — сотнях писем поклонников, которые он сохранил.

Про Цоя известно, что он читал все, что до него доходило. Иногда даже высылал своим поклонникам фотографии группы и свои автографы. Об этом он сам говорил в одном из своих интервью.

Виктор Цой:

Я вообще не отвечаю на письма трудящихся. Во многом потому, что у меня на это нет времени... Только иногда, когда меня очень просят, я посылаю афиши или фотографии. Да, собственно, у этих людей и вопросов как таковых ко мне не имеется. Мне же в свою очередь тоже нечего им ответить.

Письма кумиру — это особый жанр, своеобразная исповедь человека, для которого далекая звезда оказывается самым близким другом. Вот что писал об этом феномене бывший шеф-редактор TheQuestion.ru Николай Левский:

«Мы почему-то склонны считать, что знакомство или общение с кумиром способно повлиять на нашу жизнь. Многим наверняка хочется получить свой лучик славы, исходящий от звезды, и соответственно, изменить свою жизнь... Главное, понимать, что звезды — это те же люди. И по большому счету, они от вас ничем не отличаются: у них тоже могут быть свои дела, задачи, проблемы и перспективы. Они, может быть, и были бы рады пообщаться с вами и лишний раз поделиться своими секретами, но как показывает практика, у них почти никогда не бывает свободного времени: дела, проекты, съемки, концерты — список может быть бесконечным, и не факт, что там и для вас найдется место. Поэтому, даже если вы напишете трогательное письмо, то ответ на него скорее всего будет писать не сама известная персона, а кто-то из ее свиты...

На самом деле, звезды страдают от излишнего внимания со стороны фанатов. Поэтому они тщательно скрывают свои места пребы-

вания и проживания, ведут довольно закрытый образ жизни и очень тщательно фильтруют свой лист контактов. История помнит немало примеров, когда звезды становились жертвами фанатской любви. Самый яркий тому пример, безусловно, — Марк Чэпмен. Этот человек совершил непоправимое и, конечно, получил пять минут славы. Только вот вошел он в историю как убийца Джона Леннона, а этим, согласитесь, уж точно не стоит бравировать».

Николай, безусловно, прав, все так и есть. Поклонники всегда будут ждать контакта с кумиром, а он всегда будет один на всех. Но какой окажется судьба этих писем? Может ли письмо кумиру стать документом эпохи или останется эпизодом частной истории его автора? Зависит от адресата. Он может выкинуть послание не читая, может выкинуть, прочитав, может ответить и выкинуть, а может сохранить, как хранят письма дорогих людей.

И не всегда весточка от кумира приходит именно в виде написанного текста. Она может прийти и в другой форме — если вдруг спустя годы выяснится, что письмо было бережно сохранено тем, от кого ответ так и не пришел. Ведь сам факт того, что время не уничтожило робкие строки, и есть ответ...

Некоторые письма, процитированные в этой книге, так и не были прочитаны Цоем. Ведь между моментом написания и временем прочтения неизбежно есть пауза, порой длиною в вечность. Да, некоторые письма остались непрочитанными, но близкие Виктора сохранили их.

Когда речь идет о личном послании, неизбежно встает вопрос, этично ли в принципе делать его общественным достоянием? Ведь многие письма содержат прямую просьбу никогда никому не показывать эти строки. Но здесь случай особый, и ответ напрашивается сам собой — раз письма сохранились, значит, это кому-то нужно, ведь близкие Цоя потому и не выкинули мешки, набитые конвертами, что знали, как бережно он к ним относился.

И если весь этот архив не исчез после смерти адресата, то можно считать, что послания стали документом, проливающим свет на того, кого эта эпоха вознесла. Если получатель расценил облеченные в слова мысли и чувства людей, которых он никогда не знал, достойными того, чтобы их сохранить, значит, увидел в них нечто важное.

Письма поклонников приходили на адрес Виктора в Ленинграде, на адрес рок-клуба, на адреса Георгия Гурьянова, Юрия Каспаряна, а отдельные записки передавались Цою непосредственно на концертах.

Мама Виктора, Валентина Васильевна, сохранила немало писем людей к ее сыну, в архиве Наташи Разлоговой тоже сохранилось довольно большое количество последней почты Цоя. Довольно объемистый бумажный пакет с письмами к Цою был передан на адрес Александра Липницкого в Москве. К сожалению, Александр передал его Наталии Разлоговой, очевидно, уже после гибели Виктора, и все находившиеся там письма остались неоткрытыми, и, как следствие, — непрочитанными Цоем.

Ольга Слободская, ответственный секретарь Ленинградского рок-клуба:

Этим занималась я. Все входящие на имя Цоя письма я передавала Марьяне. У нас была такая договоренность с ней и с ним.

Из воспоминаний **Марьяны Цой**:

За всю жизнь Витя не выбросил ни одного письма. До последнего дня я отдавала ему всю корреспонденцию, входящую и на мое имя, и на рок-клуб. Витя очень дорожил этими письмами, но отвечать на них было физически невозможно. Если одному написать — другой обидится, а ведь это тысячные кипы! Хотя Витя не раз говорил мне, что приходят письма, на которые хочется ответить. Кстати, они до сих пор живы, эти письма.

Юрий Каспарян:

Вот про письма я ничего не знаю. Их было очень много. Но куда они приходили? На самом деле — это вопрос. Ведь у Виктора не было постоянного жилья. Он, конечно, был где-то прописан... Как-то сетовал на это, но дальше разговоров дело не шло. Виктор возил с собой целый мешок фанатских писем, каждое читал. Лично мне писем никто никогда не писал. Мне звонили. Звонили домой к моим родителям, и говорили, вот, мол, у меня

ребеночек от Юры. Мама никогда не ругалась, наоборот, говорила: «Ну что ж, давайте, привозите, посмотрим...».

Джоанна Стингрей:

В 1989 году мы часто летали в Ленинград по делам, Виктор в то время уже окончательно обосновался в Москве вместе с Натасей, и возвращались мы из Ленинграда с мешками, полными писем. Мы садились в самолет и читали их. Виктор старался читать все письма, они очень много для него значили, он понимал, что ему выпала особая миссия в жизни.

Юрий Белишкин:

Цой расстался с женой Марьяной и ушел от нее буквально на улицу. Ночевал у друзей. Наташа жила в Москве, позаботиться о нем не могла. Когда начались официальные концерты и появились хоть какие-то деньги, я наконец снял ему небольшую квартиру на проспекте Тореза. В той квартире практически не было обстановки: стол, пара табуреток, на одной из них стоял видеомэгафон, принесенный друзьями, диван, какие-то полки — вот и все. Зато у входа мы часто обнаруживали цветы. Недалеко от дома, где снимал квартиру Виктор, была школа. Уж не знаю, каким образом ребята пронюхали, где живет их кумир. Но вели себя культурно: никто не пытался познакомиться с Цоем, поговорить, не дежурил на лестничной площадке. Просто оставляли букеты, небольшие подарки, и все. Забегая вперед, скажу, что внимание фанатов Цоя не раздражало. Когда «КИНО» получало письма мешками, Виктор их часами разбирал. Читал, вникал. Музыканты над ним даже подсмеивались...

Инна Николаевна Голубева:

Я собирала Вите письма, которые приходили на наш адрес. Я же с Витей еще интриговала, честно скажу. Письма Цою шли чемоданами. Телефонные звонки, поздравления с праздниками. Открытки со словами «ты стал папой», «я рожаю, в родильном доме» ...

И вот, значит, письма приходят и среди них одно такое письмо. Харьковская девица пишет. Портрет в большом конверте, какая она красавица. И пишет: «Витя, любимый, почему полу-

Привет, Цой!

чается, что ты звонишь тогда, когда меня нет дома?» И тут я поняла: ее кто-то разыгрывает, парни или подруги. Сильно очень. Говорят ей, что звонил Виктор, и она потом себе места не находит. И это все длилось год, наверное. Я откладывала ее письма. Там про Сашу было, про Разлогову, как они все будут жить, про их любовь и сколько детей у них будет... А про Марьяну ничего не было. Она ее не воспринимала просто. Нет ее. Есть Разлогова, есть Саша. Не думаю, что она не знала по поводу Вити и Марьяны... Все это было обмусолено всей страной...

Витя же периодически приезжал с Наташей в Питер, они снимали квартиру, и вот он пришел к нам. К Сашке, естественно. Я говорю: «Откуда же ты теперь?» Говорит: «Из Харькова». О, я тут и начала спрашивать, расскажи, как тебе город, как тебе что... Цой сказал: «Знаете, Инна Николаевна, в Харькове со мной произошла странная история». Я, как ищейка, сидела, слушала, вникала во все. «Да что было-то?» — «Ну вот, пою я, и вдруг сквозь милицию и охрану ко мне прорывается девица, непонятно как, все ахнули, и говорит мне: „Здравствуй, это я...“ Ну, ее тут же скрутили, уволокли...» И я чувствую, что на него это произвело впечатление, потому что он мне сказал: «Знаете, Инна Николаевна, это очень опасно». И пальчиком погрозил мне, вот так... Ведь могла же и полоснуть чем-нибудь в припадке ревности. Все что угодно. Толпа, которая его охраняла, растерялась совершенно, не была готова, челюсти у всех отвисли.

Проходит время. Витя уходит из жизни. Вокруг полно журналистов, всяких разных людей, умных, дураков и прочих. И вот как-то к нам приехал мужчина. Лет 50. Я, говорит, журналист из Харькова. Говорю, хотите материалчик? И вот, значит, я ему эту пачку писем даю, ознакомьтесь, может, удачный материал будет, получится роман... «А что, у Цоя был с кем-то роман?» — «Почитайте — узнаете, был там роман или нет». И я отдала ему эти письма. Прошло время, он снова был в Питере, зашел к нам. И я спрашиваю: «Ну, как там роман?» И он отвечает: «Какой-то ужас! Это клиника, она сумасшедшая... Ненормальная совсем».

Часто писали из Средней Азии: «Пришлите Витину одежду. Мы хотим поминальный обряд совершить...» Кому чего, в общем. Марьяне писали: «Отдай Сашу. Вити нет, а тебе он не нужен. Мы воспитаем». Одна девчонка приходила к нам домой,

расцарапала Марьяне лицо... Сашка вызвал милицию, ее забрали в кутузку, потом звонят, спрашивают: «Что будете делать? Дело возбуждаем?» И Марьяна ее пожалела. Она писала потом еще, эта девчонка, корявым почерком... После смерти Виктора целый мешок писем я отдала Валентине Васильевне, а она его отдала потом Свете Власовой.

Как видим, письма письмами, но вот то, что Цой к 1989 году начал замечать свою бешеную популярность — факт. Как вспоминал режиссер Рашид Нугманов, Виктор ему сказал однажды: «Все меньше хожу по улицам. Представь, подскочит какой-нибудь сумасшедший и даст тебе дубиной по голове...»

Георгий Гурьянов:

Цою письма писали тоннами. И мне писали очень много. Цой был деликатен с аудиторией, с поклонниками и с большим вниманием к ним относился. Меня всегда одергивал: просил не вести себя развязно перед людьми, которые тебя любят и ценят... Он был очень серьезен, глубоко все это чувствовал и не любил развязности и хамства. Мне тоже много писали писем. Много девушек писали. Даже кошмары преследовали меня. Снилось, как я душу во сне навязчивых поклонниц. Потому что они не все выглядели, как Ульяна Цейтлина и Дженни Яснец.

Олег Соколов:

Цой любил Наташу, и фанатки его не интересовали вообще! Их таскал только я... И мне порой за это в шутку выговаривали... Гурьянов же вообще вел себя сдержанно, никакого вольнодумства. Просто было видно, что человек творческая личность.

Что касается писем, которые находились у Валентины Васильевны Цой, то незадолго до своей смерти она передала их председателю Фонда памяти Виктора Цоя Светлане Власовой, которая в свою очередь отдала их писателю Александру Житинскому, главному редактору питерского издательства «Геликон Плюс». При желании в Интернете можно найти документальный фильм канала РЕН ТВ, где разбираются переданные письма, в котором принимали участие Светлана Власова, Александр Житинский и музыкант группы «Апрель» Ольга Лехтонен.

Привет, Цой!

К сожалению, после смерти Александра Житинского в январе 2012 года судьбу переданных в редакцию «Геликон Плюс» писем установить не удалось. Жена Александра Николаевича, Елена Валентиновна Житинская, ставшая главой издательства после смерти мужа, прояснить ситуацию не смогла.

Письма, находившиеся в архиве Марьяны Цой, частично были переданы ею на хранение различным людям, частично остались в домашнем архиве и сегодня хранятся у Александра Цоя. Отдельные послания можно было увидеть в арт-салоне «Невский 24», некоторые хранятся в коллекции лидера группы «Санкт-Петербург» Владимира Рекшана, создателя Первого национального музея рок-музыки, расположенного в Санкт-Петербурге, на Пушкинской, 10.

Больше всего фанатских писем находилось в архиве Наталии Разлоговой. Причина этого проста — все приходившие в Ленинград письма на имя Цоя по мере возможности собирались и переправлялись в Москву, на адрес Наталии. В 2010 году, когда я начал работу над своей книгой «Цой. Последний герой современного мифа», Наталия Разлогова передала мне небольшой пакет с отдельными письмами, и сразу же родилась идея попробовать найти кого-либо из адресатов. Ведь вопросов к ним было довольно много. Интересно было все: как ребята пережили смерть Виктора Цоя в далеком 1990 году, как они прожили эти 20 лет без него и что думают о роли Виктора Цоя в современном мире. Это было очень сложно, мной была проделана колоссальная работа по поиску хотя бы кого-то из тех, кто писал письма. Сами понимаете, насколько сложно искать людей по адресам через 20 с лишним лет... Но удача улыбнулась мне, и в результате были найдены две девушки, письмами которых я тогда располагал.

По воспоминаниям родных Виктора, письма, подобные тем, что приходили от фанатки из Харькова, разумеется, были не единственными письмами такого плана. Например, по воспоминаниям Наталии, писала еще девушка из Луганска. Таких писем было много, но эти были особенно выдающиеся. Ее письма были весьма смешны по содержанию, и Цой иногда зачитывал Наташе некоторые строки из них. Она писала ему из деревни, про хозяйство, и так все расписывала, что создавалось ощущение, что они живут вместе, и он просто уехал на гастроли. Девушка описывала свою жизнь, рассказывала про соседей, просила приехать помочь прополоть кукурузу и так далее, в общем,

писала так, как пишут близкому человеку. Письма приходили регулярно и всегда заканчивались словами типа «приезжай, ждем, а то трудно тут, в огороде, без тебя».

Виктор Цой:

Некоторые девушки влюбляются в актеров, рок-звезд. Я этих девушек не знаю, поэтому, как к ним относиться — тоже не знаю. Не скажу, что это мне очень приятно, хотя, наверное, любому мужчине такие письма небезразличны. Что касается явления в целом, мне кажется, в этом нет ничего плохого. В юности важно иметь какой-то романтический идеал.

Думаю, всем эта история известна, она была рассказана Марьяной Цой в одном из интервью. В один прекрасный день звонок в дверь, Марьяна открывает и ей вцепляется в волосы какая-то девчонка, которая пытается ее исцарапать.

Марьяна Цой:

Отношения с фанатами у меня неоднозначные. Они же все люди, бывают настырными и мерзкими, грубыми и хитрыми, а бывают и очень приличными. Я немного старше фанатского возраста, поэтому мне иногда просто тяжело в силу того, что мне почти 50, а им нет еще 30...

Не так давно под одной из статей в моем канале в Яндекс Дзен эта девочка (ныне взрослая женщина, проживающая в Нижнем Новгороде) откликнулась, и рассказала мне свою историю.

Наташа Смирнова:

У меня был обычный женский интерес увидеть жену Вити. Она открыла мне, я спросила: «Вы Марьяна Цой?» Она, скривившись, ответила: — «Ну, я, что дальше?» И посмотрела на меня с такой ненавистью, что я, сама от себя не ожидая, спонтанно бросила ей в лицо семечками из кармана и, испугавшись, побежала. Но Марьяна в два счета настигла меня и залепила пощечину, в ответ я начала остервенело царапать ей лицо, пока нас не разняла милиция. Вот, в общем-то, и все, хотя слова мамы Марьяны, что та меня пожалела и не стала писать заявление —